

Тимофеев О. А.
КОНЦЕПТЫ «ВЛАСТЬ» И «СИЛА» В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Тимофеев О. А.
Oleg A. Timofeev

**КОНЦЕПТЫ «ВЛАСТЬ» И «СИЛА» В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

**THE CONCEPTS 'POWER' AND 'FORCE' IN MODERN THEORIES
OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Тимофеев Олег Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Амурского государственного университета (Россия, Благовещенск); 675028, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21. E-mail: timooa@mail.ru.

Mr. Oleg A. Timofeev – PhD in History, Senior Researcher at the Center of Geopolitical Studies of the Amur State University (Blagoveschensk), 675028, city of Blagoveschensk, 21 Ignatyev Highway. E-mail: timooa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена наиболее актуальным дефинициям власти-силы (power) в современной науке о международных отношениях. Автор исследует особенности подходов американских, английских и китайских исследователей к проблеме манифестации силы на международной арене.

Summary. The article considers the most popular definitions of the concepts of power and force in the modern international relations theory. The author studies the approach of US, UK and Chinese scholars to the problem of display of force and power on the international level.

Ключевые слова: власть, сила, мягкая власть, жесткая власть, умная власть, влияние.

Key words: power, force, soft power, hard power, smart power, influence.

УДК 32.001

До сих пор в политической науке нет общепринятой точки зрения на отношение понятий «власть» и «сила». Значительный вклад в разработку этой проблемы в англоязычной литературе внесла Х. Арендт. По ее мнению, термин «power» (власть, сила) недвусмысленно означает некую индивидуальную основу, свойство, присущее объекту или личности, характерное для них, не способное проявлять себя независимо от других и по отношению к другим. Власть даже очень сильного индивида может быть преодолена другими, которые часто объединяют свои усилия только ради разрушения силы из-за ее особенностей независимости. В этом состоит природа социальной группы и ее власти – обращаться против независимой индивидуальной силы.

Специфика термина «power» еще более явно проявляется в сопоставлении с близким по значению термином «сила» (force), под которым в обычной речи подразумевают насилие, особенно если она, сила, служит для обозначения принуждения, и должна относиться к объективным силам или для обозначения энергии, освобождаемой социальными движениями.

Власть традиционно является основополагающей категорией политической науки, обозначая важнейший инструмент осуществления политики, его основное организационное и регулятивное начало. По мере усложнения современных политических систем, ускорения процессов их «турбулентности», появления новых уровней взаимодействия детализируются и подходы ученых к концепции власти. Сказанное в полной мере относится к теории международных отношений, в рамках которой можно выделить два уровня дефиниций – функциональные и структурные.

Функциональные дефиниции власти

Так называемое «узкое» понимание управления как влияния системы ограничений основано на получившем наибольшее распространение волюнтаристском (ньютоновском) понимании власти-силы (power). В соответствии со ставшей уже классической формулой Р. Даля власть определяется как «множество связей между социальными субъектами, когда действия субъекта R (the response unit) зависят от поведения субъекта С (the controlling unit)» [9, 407]. Иными словами, субъект С располагает властью в отношении субъекта R в такой степени, в какой он может заставить последнего послушно совершать (voluntarily comply) действия, которые тот не совершил бы без воздействия со стороны субъекта С (см. рис. 1).

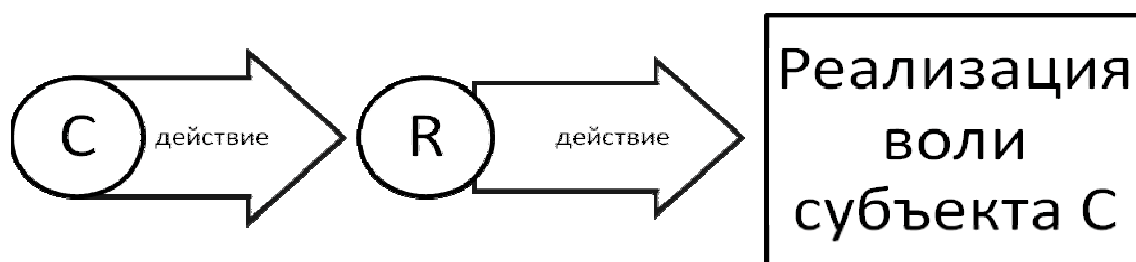

Рис. 1. Волюнтаристская интерпретация власти

В соответствии с весьма распространенным мнением, в современной системе международных отношений действуют мощные факторы, способствующие формированию глобального самоуправляющегося сообщества разнородных акторов, регулируемого общими законами и функционирующего по единым правилам. Вслед за Дж. Бертоном и М. Шоу подобный феномен принято называть «мировым» или «глобальным обществом» [6; 13].

С данными понятиями тесно связано так называемое коммуникативное (герменевтическое) понимание власти. По словам Х. Арендт, «власть соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать в согласии (to act in concert)» [4, 143]. Люди обладают естественным для себя уникальным уровнем коммуникации, которая проявляется во всех сферах человеческой (т.е. по определению социальной) деятельности. Власть, таким образом, не может быть индивидуальной, она существует до тех пор, пока существует социальная общность.

Показательным является то обстоятельство, что идеи о подобном со-конституировании общества и государства распространились среди представителей всех трех основных парадигм в западной теории международных отношений: реализма, институционализма и конструктивизма.

Во-первых, одна из наиболее влиятельных школ либерального спектра – государственно-общественный либерализм (state-society liberalism, по определению Дж. Розенау) – вводит в аналитический дискурс три фундаментальных положения:

1) Индивиды и частные группы являются фундаментальными акторами, по уровню своей активности на международной арене они часто оттесняют государства и постепенно выдвигаются на первое место в системе международных отношений. Э. Моравчик определяет такие акторы как «в целом рациональные и стремящиеся избегать рисков (risk-averse)» [11, 516], а Дж. Коулман уточняет, что такие акторы должны быть инкубированы политическими идентичностями (т.е. государствами или общностями) и вовлечены в политические обмены [8].

2) Государство представляет в своей внешней политике институты гражданского общества, интересы которого артикулируются представителями государства; государство, таким образом, не обладает автономией по отношению к воздействию социетальных сил [11, 518].

3) Международная политика государств формируется под влиянием сложной конфигурации взаимозависимых внутригосударственных факторов и социальных интересов [11, 520].

С другой стороны, в краеугольном для реализма дискурсе о проблемах национальной безопасности появилось ее новое – «социетальное» измерение, что стало теоретическим вкладом так называемой Копенгагенской школы исследований проблем безопасности, предложившей новые подходы к проблемам нетрадиционной безопасности и по-новому их характеризующей [5, 6]. В качестве участников формирования системы стабильной безопасности представители Копенгагенской школы выделяют правительство, гражданское общество, этнические общности и международные структуры. В самих фундаментальных основах собственной концепции исследователи, примыкающие к Копенгагенской школе, рассматривают феномен «речевого акта» в мирополитической рефлексии негосударственных акторов, придавая ему огромное значение. Они детально исследуют политику идентификации угроз, что заставляет их пристально искать ответы на следующие вопросы: создает ли речевой акт угрозу или сама угроза формирует речевой акт; имеет ли место феномен «прививания», то есть попытки определить характер новой угрозы, связывая ее с предшествующей признанной угрозой.

Структурные дефиниции: жесткая, мягкая и умная сила

Как известно, традиционная жесткая (hard) сила, обеспечивающая способность к эффективному принуждению, основывается, главным образом, на военной и экономической мощи государства. Одним из ее наиболее детализированных индикаторов является так называемый «индекс CINC» (Composite Index of National Capability), рассчитываемый для государства «X» в соответствии с формулой

$$CINC_x = \frac{TPR_x + UPR_x + ISR_x + ECR_x + MPR_x + MER_x}{6}.$$

Формула «индекса CINC» рассчитывается по шести параметрам:

- 1) TPR = total population ratio (см. прим. 1) (численность населения государства);
- 2) UPR = urban population ratio (численность городского населения);
- 3) ISR = iron and steel production ratio (производство чугуна и стали);
- 4) ECR = energy consumption ratio (потребление энергоресурсов);
- 5) MPR = military personnel ratio (численность вооруженных сил);
- 6) MER = military expenditure ratio (объем военных расходов) [14].

В отличие от жесткой силы, мягкая (soft) сила возникает тогда, когда страна привлекает других своей культурой, идеями и целями. Жесткая сила по-прежнему не теряет своего ключевого значения в международных отношениях, более того, в процессе своего применения она тесно переплетается с теми или иными аспектами мягкого влияния, однако рост авторитета так называемых «новых», негосударственных акторов международных отношений, не располагающих собственными вооруженными силами, многие из которых, однако, также стремятся установить и закрепить свое международное влияние, чрезвычайно актуализирует процесс практического применения ресурсов мягкой силы.

Если жесткая сила находит свое воплощение в принуждении или подкупе, посредством которых одно государство добивается нужного ему поведения другого

государства, то мягкая сила реализуется через механизмы формирования у партнера нужных желаний и предпочтений. Иногда государство, являющееся источником мягкой силы, может получить желаемый результат даже без целенаправленных действий с собственной стороны, поскольку находящийся под его влиянием другой актор международных отношений самостоятельно действует по заранее сформированной программе, подчас проявляя даже большую активность. По выражению автора концепции мягкой силы американского политолога Дж. Най, она обеспечивает «понуждение других хотеть результатов, которые вы желаете получить» [2, 30].

Необходимость по-прежнему признавать значение жесткой силы заставляет западных ученых искать формулы, которые комбинировали ее с мягкой силой. Так, например, Кевин Суини (Kevin Sweeney) в 1995 г. предложил так называемый «композитный индекс жесткой и мягкой силы» (*Composite of Hard and Soft Power*), объединяющий «индекс CINC» с такими индикаторами мягкой силы государства, как численность обучающихся в нем зарубежных студентов, прибывающих туристов, число регистрируемых патентов на изобретения, число используемых теле- и радиоприемников, а также телефонов (см. рис. 2) [7, 694].

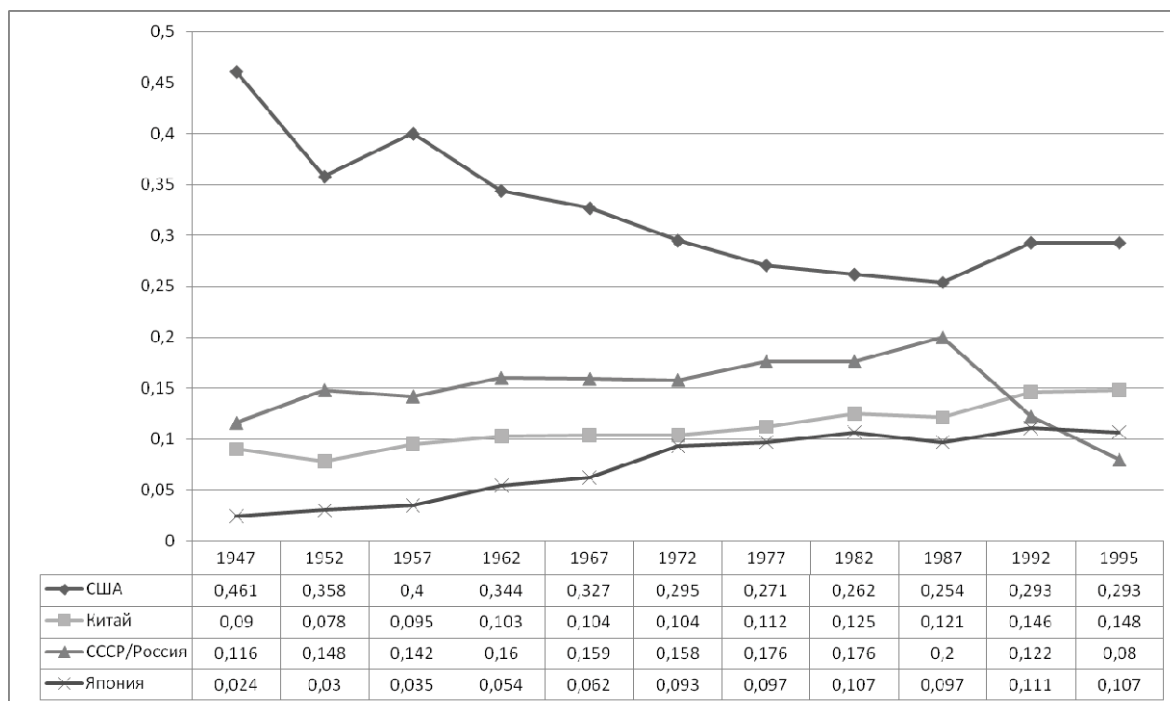

Рис. 2. Композитный индекс жесткой и мягкой силы

В своих последних работах Дж. Най также отказывается от противопоставления силового принуждения и опосредованного влияния, предлагая комбинировать мягкую и жесткую силу в так называемую «умную» силу (*smart power*) государства [12, 67].

Двойственная природа мягкой силы и ее тесная связь с традиционными аспектами воздействия на международную среду приводит к отсутствию единого варианта перевода термина *soft power* на русский язык. Так, например, Э.Я. Баталов предлагает переводить его в одних случаях как «сила» (в расширительном толковании), в других – как «власть», а иногда – использовать оба варианта одновременно [1, 137].

В.О. Печатнов интерпретирует данный термин в применении к особенностям внешней политики США как «мощь», отмечая: «США излучают мощное цивилизационное воздействие по всему миру, названное политологом Дж. Наем «мягкой мощью». Речь идет об экспансии американской массовой культуры (голливудских фильмов, телепрограмм, поп- и рок-музыки, стиля поведения и т.п.), глобализации СМИ и информационных систем по

образцам США (яркие примеры – «Си-Эн-Эн» и Интернет)». Мягкая сила США включает в себя и такие важные факторы влияния, как авторитет ценностей (личная свобода, социальная мобильность, открытость, плюрализм мнений), престиж экономической и политической моделей развития, науки и образования, притягательность США как наилучшего места для индивидуальной самореализации. США принимают большее число иммигрантов, чем все остальные страны Запада вместе взятые; именно сюда идет «утечка мозгов» со всего мира. В 2009 г. только на учебу в США прибыли 690 923 иностранных студентов (см. прим. 2); ежегодно они приносят местным вузам доход более чем в 11 млрд долл.). Все это имеет не только серьезное экономическое, но и стратегическое значение, ибо мир, который все больше говорит, развлекается и общается по-американски, становится все более близким и менее враждебным для США.

П.А. Цыганков предлагает переводить термин power как «структурная власть», которая направлена на удовлетворение четырех социальных потребностей: безопасности, знания, производства и финансов, называя ее «наиболее мощным средством достижения международными акторами своих целей» [3, 282-283].

Такая же разногласия существует и среди китайских политологов. Термин power переводится и как *лиян* (сила), и как *цюаньли* (власть), и как *шили* (мощь), и как *голи* (государственная мощь). В последнем случае мягкая сила (мощь) интерпретируется как составная часть *цзунхэ голи* (совокупной государственной мощи).

Среди китайских исследователей дальше всего по пути структурной детализации власти идет декан факультета международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтун. В основе его подхода лежит концепция совокупной государственной мощи (*цзунхэ голи*), объединяющая все измерения силы и авторитета государства на международной арене: военные, политические, экономические и т.д. Янь Сюэтун, например, предлагает следующую иерархию компонентов мягкой силы (власти) государства, исходящую из признания за государством двух разнонаправленных способностей: обращенной вовне мобилизации и обращенной вовнутрь гравитации (см. рис. 3) [15, 91-92].

И наконец, крайне мощным ресурсом китайской «мягкой силы» становятся знаковые мероприятия, вызывающие большое международное внимание. Наиболее авторитетные политологи КНР детально анализируют значение для повышения авторитета КНР таких событий, как Пекинская олимпиада 2008 г. (см. прим. 3) и Всемирная выставка в Шанхае 2010 г. (см. прим. 4).

В то же время, по мнению некоторых экспертов, именно в сочетании волонтеристского и коммуникативного подходов следует искать объяснение специфики мягкой силы Китая (см. рис. 4). Решение задачи, как заставить другие государства реагировать на его растущую жесткую силу в таких формах, которые не угрожали бы интересам развития, является ключевым фактором, влияющим, как полагает Жак Делайл, на стратегию реализации мягкой силы [10, 493], а по мнению Кеннета Либертала, и на всю экономическую стратегию в целом (см. прим. 5).

Таким образом, детализация основополагающего концепта теории международных отношений – концепта власти-силы (power) – происходит одновременно по нескольким направлениям: по функциональным признакам, структуре и в соответствии с национально-государственной спецификой. Последнее дает надежду России выстроить, наконец, эффективную и современную парадигму международного влияния взамен бесплодного поиска национальной идеи, справедливо названного В. Путиным «старинной русской забавой» (см. прим. 6).

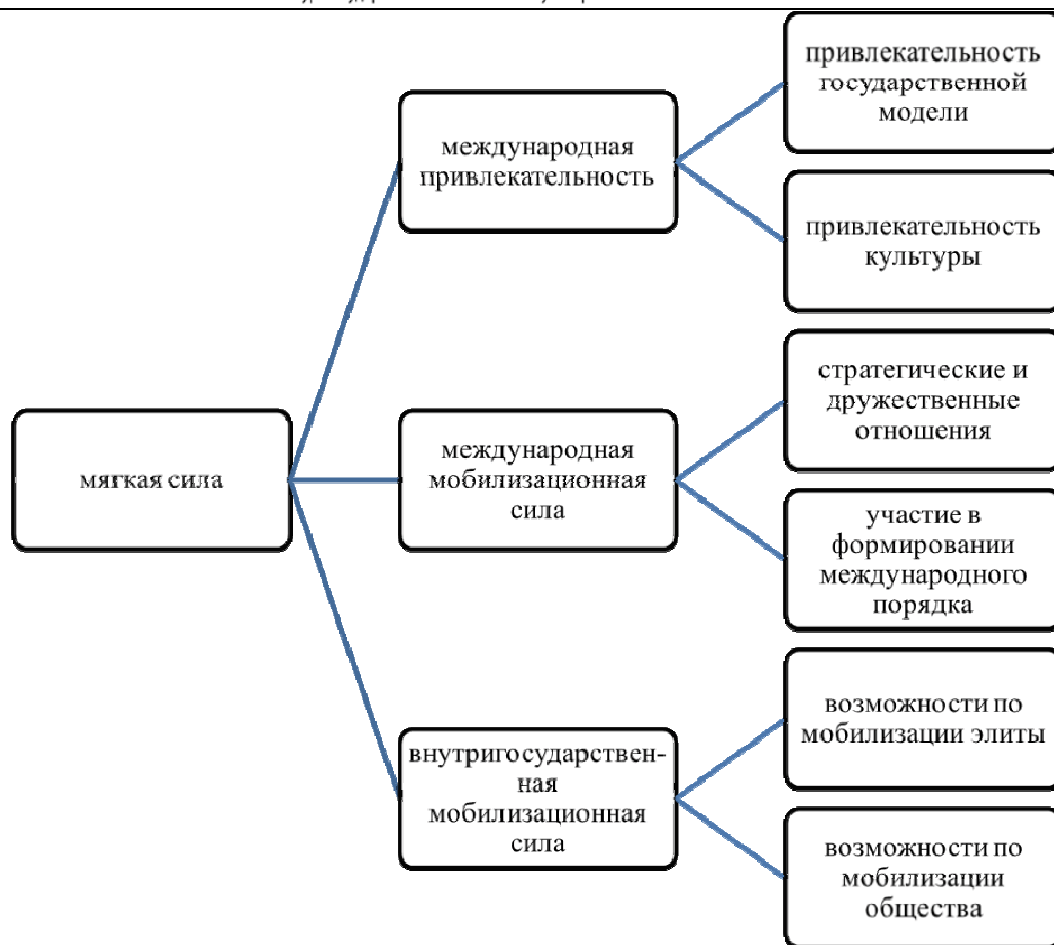

Рис. 3. Детализация распределения мягкой силы

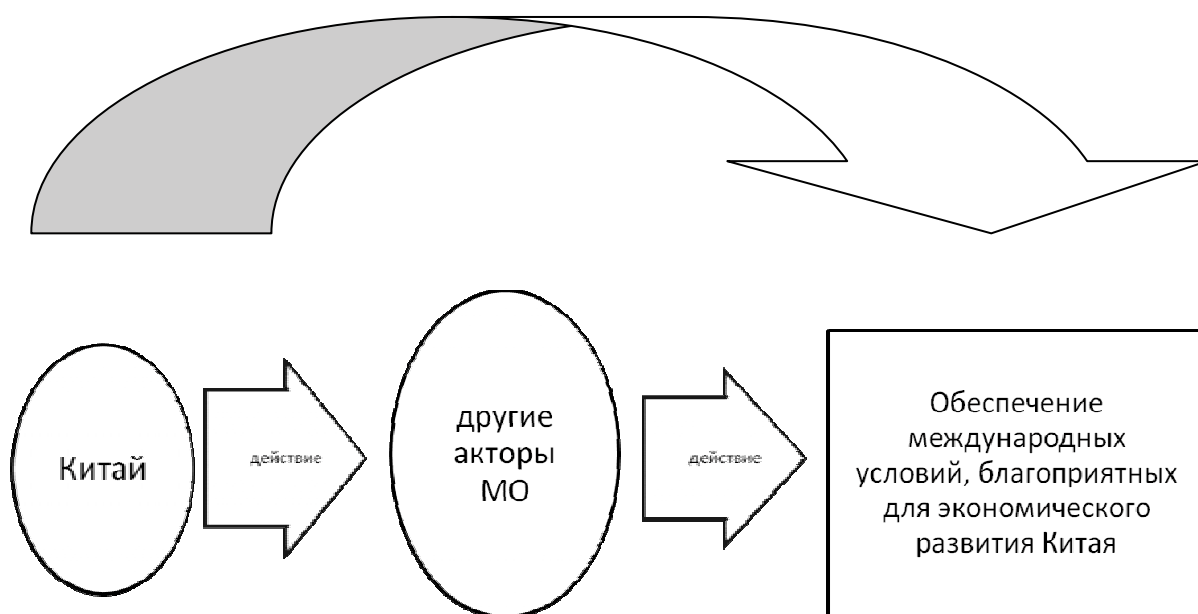

Рис. 4. Реализация мягкой силы Китая в соответствии с классическим пониманием

Тимофеев О. А.

КОНЦЕПТЫ «ВЛАСТЬ» И «СИЛА» В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов, Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций) / Э. Я. Баталов. – М., 2005. – 376 с.
2. Най, Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. – Новосибирск, 2006. – 221 с.
3. Цыганков, П. А. Теория международных отношений / П. А. Цыганков. – М., 2002. – 527 с.
4. Arendt, Hannah. Crises of the Republic. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. – 252 p.
5. Barnett, Jon etc. Global Environmental Change and Human Security: An Introduction // Global Environmental Change and Human Security / ed. by Richard A. Matthew, Jon Barnett, Bryan McDonald and Karen L. O'Brien. Cambridge: MIT Press, 2010. – P. 3-32.
6. Burton, John W. World Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 196 p.
7. Chan, Steve. Is There a Power Transition between the U.S. and China? The Different Faces of National Power // Asian Survey. Vol.45, No.5 (September-October, 2005). – P. 687-701.
8. Coleman, James. Foundations of Social Theory. Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 1014 p.
9. Dahl, Robert. Power // International Encyclopedia of the Social Science. New York: Free Press, 1968. – P. 407.
10. deLisle, Jacques. Soft Power in a Hard Place: China, Taiwan, Cross-Strait Relations and U.S. Policy // Orbis. Vol.54, No.4 (Fall 2010). – P. 493-524.
11. Moravcsik, Andrew. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // International Organization. Vol.51, No.4 (Autumn 1997). – P. 513-553.
12. Nye, Joseph. Recovering American Leadership // Survival. Vol.50, No.1 (February-March 2008). – P. 55-68.
13. Shaw, Martin. Global Society and International Relations: Sociological Concepts and Political Perspectives. Cambridge: Polity Press, 1994. – 197 p.
14. Singer, J. David etc. Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820-1965 // Peace, War, and Numbers / ed. by Bruce M. Russett. Beverly Hills: Sage, 1972. – P. 19-48.
15. Янь Сюэтунь, Янь Лян. Гоцзи гуаньси фэньси (Анализ международных отношений). – Пекин, 2008. – 251 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ratio – соотношение национального и глобального значений.
2. Institute of International Education. Open Doors Report 2010. November 15, 2010. – Режим доступа: <http://www.iie.org/en/research-and-publications/open-doors>.
3. Pang Zhongying. The Beijing Olympics and China's Soft Power. The Brookings Institution Report. September 04, 2008. – Режим доступа: http://www.brookings.edu/opinions/2008/0904_olympics_pang.aspx?emc=lm&m=218221&l=6&v=235290.
4. Yang Jiemian. China's Expo Diplomacy: Experience and Innovation. Shanghai Institutes for International Studies Report. February 12, 2011. – Режим доступа: http://www.siis.org.cn/en/zhuan-ti_view_en.aspx?id=10062.
5. Lieberthal K. China as a Global Player // China and the World Economy Workshop. The Atlantic Council Conference Summary. December 7, 2005. – Режим доступа: www.acus.org/docs/051207-061206-China_World_Economy_Workshop.pdf.
6. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26.04.2007. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type634type634_125339.shtml.